

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ С. ИСАКОВА

В 1958 году в книге моего отца Г. П. Раппопорта «Страницы литературного прошлого Алтая», выпущенной в Барнауле, появилась первая статья о Степане Исакове — писателе-сибиряке, начавшем литературную деятельность еще до революции и наиболее полно раскрывшем свой талант в первые советские годы. От вдовы писателя З. К. Павловой автор получил тогда рукописи С. И. Исакова, среди которых было немало неопубликованных произведений, представляющих большой интерес и историко-литературную значимость.

Архив отца после его смерти (1966) неоднократно тщательно просматривался, изучался и известным литературоведом и критиком Н. Н. Яновским, и старшим братом моим Е. Г. Раппопортом, и многими другими исследователями. Тем удивительнее находка, обнаруженная в этом архиве совсем недавно...

Узкие листки почтовых бланков, исписанные с чистой стороны невообразимо мелким, «микрографическим» почерком, аккуратно пронумерованы и вложены в сшитую из нескольких тетрадей в линейку пожелтевшую тетрадь без обложки. На первой ее странице начертано: «Ст. Исаков. Красные орлы. (Восстание). Пьеса в 5 действиях».

О пьесе под названием «Восстание» неоднократно писал Н. Н. Яновский в своих статьях, посвященных творчеству Исакова¹, справедливо названного им «одним из талантливых зачинателей советской литературы в Сибири».

«В пьесе три почти не связанных между собой картины», — уже по этой фразе критика ясно, что он был ознакомлен с пьесой по-иному, незавершенному варианту. Напомню, что в оригинале пьесы пять актов. Н. Н. Яновский же вынужден был судить о всей пьесе по первым трем, к тому же не в окончательном их виде. Отсюда и его оценка пьесы в целом как «драматургически незавершенной», «незрелой», очевидно, не может быть механически перенесена к имеющемуся теперь у нас практически другому произведению — пьесе «Красные орлы».

«Есть предположение, что пьеса «Восстание» написана в 1920 году», — пишет критик. Это предположение Н. Н. Яновского можно теперь подтвердить с полной уверенностью, хотя автор пьесы и не датировал ее. О времени работы С. Исакова над «Красными орлами» («Восстанием») красноречиво свидетельствуют использованные писателем вырезки из газеты «Алтайский пахарь» за 19 декабря 1919 года и август 1920. Эти вы-

резки с рассказами и воспоминаниями партизан армии Е. Мамонтова о боях с колчаковцами сохранились, будучи вложенными писателем в рукопись. С документальной точностью перенес С. Исаков в 4-й акт пьесы факты, почерпнутые им из рассказов партизан. Так появились эпизоды, повествующие о провокации Рогова, когда значительные силы партизан попали в засаду и были обстреляны артиллерией, а под Мамонтовым убили коня; о переломе в ходе многодневной битвы с колчаковцами, обозначившем скорую победу над ними при поддержке стремительно наступающей Красной Армии; рассказ о гибели командира 7-го полка «Красных орлов» тов. Колядо, юноши 20 лет, «самого храбрейшего в армии», по воспоминаниям партизана И. Кантышева. В пьесе автор вывел героя под фамилией Середа, но при этом даже номер полка Колядо сохранен.

Возможно, что именно воспоминания И. Кантышева побудили С. Исакова назвать пьесу иначе — не «Восстание», как он намеревался ранее, а «Красные орлы». Именно это выражение применяет партизан, говоря о всей армии Ефима Мамонтова.

В пятом акте С. Исаков, завершая пьесу и оценив, видимо, соотношение художественного вымысла в ней с действительными фактами, решительно выводит главного героя — командующего партизанской армией Е. Мамонтова под собственной его фамилией, ранее он был по пьесе Мамаевым. Тем самым драма окончательно приобрела конкретно-историческую достоверность.

Финал пьесы звучит мощным победным крещендо. К Мамонтову приводят перебежчиков — обманутых колчаковскими офицерами крестьян, ставших белогвардейцами. Они готовы теперь кровью смыть позор своего недомыслия, просят принять их под красное знамя. Необыкновенно важна и сцена приема в штабе Мамонтова рабочего-железнодорожника, делегата городских подпольных организаций, готовящихся к восстанию против колчаковцев. Он прислан для установления боевой связи с партизанами. «Мы победим, — восклицает один из героев. — Товарищи крестьяне, осознав свою ошибку, через трупы своих братьев протягивают руку рабочим... Да здравствует всемирный союз мозолистых рук!.. Да здравствует вождь мозолистых рук товарищ Ленин!»

Грядет восстание в сибирских городах. И уничтожить колчаковский «нарыв» поможет повстанцам легендарная партизанская армия Мамонтова, с пением «Интернационала» проходящая под занавес пьесы мимо своего командира. И при виде сокрушительной мощи «красных орлов» отвернется, бессильно рыдая, пленный белогвардейский генерал и во всей фигуре его, как гласит последняя авторская ремарка, читается «сломленность, погибшее прошлое, вообще гибель власти капитала». Так заканчивается пьеса Степана Исакова, свидетельствуя о тех немалых переменах в

¹ См. ж-л «Сибирские огни», 1968 г., № 8, статьи: «Степан Исаков». — В кн.: Н. Н. Яновский. «Голоса времени». Новосибирск, 1971 г.; «Один из зачинателей советской литературы в Сибири». — В кн.: «Литературное наследство Сибири». Т. 3. Новосибирск, 1974 г.

мировоззрения писателя, которые свершились в последние годы его жизни.

Вместе с пьесой найдена и рукопись завершеного рассказа С. Исакова «Среди покоя». Она датирована автором 20/XII—20 г. Это были последние месяцы жизни писателя, период, в который им созданы, помимо упомянутой пьесы, повесть «Голгофа» и рассказ «Без имени» — последнее опубликованное при его жизни произведение, удостоенное в 1920 году премии на литературном конкурсе в Барнауле.

В рукописи рассказа «Среди покоя» можно прочитать и зачеркнутые автором другие варианты названия: «Исцеление духа», «Кусок жизни». Ни под одним из этих названий рассказ никогда не публиковался и совершенно незнаком исследователям творчества С. Исакова. Между тем он представляет несомненный интерес.

Его сюжетом стали воспоминания писателя о поездке в Горный Алтай, видимо, последней, весной 1919 года, о встречах в пути. В рассказе есть и прямые реминисценции из раннего произведения С. Исакова, рассказа «Там, в горных долинах» — история любви солдатки Натальи, камнем-«щепнюшкой» прокалывающей ногу любимому, чтобы он не ушел от нее, и вошедшая в пьесу «Красные орлы» страшная повесть о похоронах колчаковцами под поповскую «аллилуйю» живого человека. Ненависть и презрение к колчаковским «возродителям старой России» звучат и в этом произведении С. Исакова. Измученная перенесенными ужасами белогвардейского террора душа писателя тянется к родной природе Алтая, к его простым людям, словно ища «исцеления духа». «Ведь и во времена инквизиции, — пишет он, — люди находили удовольствие жить и даже знавали счастье».

Счастья не было. Вслед за смертью первой жены у С. И. Исакова в 1920 году один за другим погибли от воспаления легких два его сына. Неизлечимой оказалась и его собственная прогрессирующая болезнь — туберкулез. И все же писатель не сдается, как никогда,

много работает, мечтает о будущем. «Моя фантазия бедна, но и она уносит меня за пределы предельного», — пишет С. Исаков в рассказе «Среди покоя». И с ним можно согласиться, прочитав хотя бы такую бесхитростную, «бедную» фантазию: «Алло! Сан-Франциско. Из Читы прибыл дредноут воздушного плава-ния L-62»...

Лишь пять лет спустя в Барнаул прилетел первый двухместный пассажирский самолет, который был использован для учебно-показательных целей. Откуда же залетел в воображение провинциального писателя этот межконтинентальный «дредноут»? Да еще именно с порядковым номером нынешнего воздушного лайнера ИЛ-62, обслуживающего трансконтинентальные линии?! Разумеется, это всего лишь поразительное совпадение, угадывание, но до чего же любопытно заглянуть в мысли фантаста 1920 года!

К слову сказать, в упомянутой Исаковым Чите годом раньше появилось стихотворение С. М. Третьякова, которое называлось... «Ту»!

Ту!
Полетим в высоту!
Чтобы в синем величии
Угадать голоса всякие птички...

Поистине — «за пределы предельного»!

И как же не вспомнить тут еще раз известные слова А. М. Горького: «Чем лучше мы будем знать прошлое, тем лучше, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего».

В полной мере относятся эти слова и к творчеству Степана Ильича Исакова, чьи лучшие произведения надо обязательно собрать и выпустить отдельной книгой — в этом давно назрела необходимость.

Ал. Ратнопорт

Степан ИСАКОВ

СРЕДИ ПОКОЯ

РАССКАЗ

Сегодня в полдень стоял последний сугробик в саду. Я стоял в стороне и не мешал солнцу делать свое дело; я и не помогал ему, а только стоял и смотрел, как умирала зима.

А потом, когда от сугробика осталось одно воспоминание, да немного пара, да еще темное мокренькое местечко, я отметил на садовом столике дату: «21 апр. 19 г. 2 ч. 35 мин.». Может быть, кто-нибудь подумает,

что это отмечено какое-то важное событие чьей-то жизни — кто-то умер в эти минуты, или родился, или кто-то получил первый поцелуй — все можно подумать. Но я только отметил, когда наступила весна, моя весна.

Затем я осматриваю деревья. На тополях и черемушнике набухают почки, а на березке уже рассыпаны крохотные зеленые крапинки. Так. Осматриваю дерн на клумбах — там тоже что-то зеленеет.

И меня облекают покой и мир, и подступает тихое забвение. Все последние ночи меня что-то жестоко мучило. Я не мог ни спать, ни работать, ни думать, не мог и бездельничать. Я сидел напролет все ночи у окна и хлопал глазами на звезды — у меня не было и мечты. Я переживал мучительное одиночество, а душевная пустота доводила до отчаяния. Может быть, это чувство знают влюбленные — и то не все. Так мучили меня последние ночи, но теперь этого не будет. Покой и мир будут моей стихией с этого дня.

Да, наступила моя весна, и я говорю, молитвенно настраиваясь: